

Радь Э. А., Сивожелезова Е. А.
E. A. Rad, E. A. Sivozhelezova

БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ В СТРУКТУРЕ РОМАНА А. М. СТОЛЯРОВА «МИЛОСТЬ ГОСПОДНЯ»

THE BIBLICAL TEXT IN THE STRUCTURE OF A.M. STOLYAROV'S NOVEL «THE MERCY OF THE LORD»

Радь Эльза Анисовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Уфимского университета науки и технологий, Стерлитамакский филиал (Россия, Стерлитамак); Стерлитамак, пр. Ленина, 49; тел. 8(347)320-10-55. E-mail: Elza_rad@mail.ru.

Elza A. Rad – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor, Russian Language and Literature Department, Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak Branch (Russia, Sterlitamak); Sterlitamak, 49, Lenin Ave.; tel. 8(347)320-10-55. E-mail: Elza_rad@mail.ru.

Сивожелезова Екатерина Андреевна – учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 11 имени Героя Советского Союза Ахтямова Хасана Багдеевича (Россия, Салават); г. Салават, Школьный переулок, 7; тел. 8(3476)35-44-23. E-mail: sivojelezowa@yandex.ru.

Ekaterina A. Sivozhelezova – Teacher of Russian Language and Literature, Secondary School № 11 named after Hero of the Soviet Union Akhtyamov Hasan Bagdeevich (Russia, Salavat); Salavat, Shkolny pereulok, 7; tel. 8(3476)35-44-23. E-mail: sivojelezowa@yandex.ru.

Аннотация. В статье исследуется роль библейского текста, функционирующего как система аллюзий, цитат и символов в структуре романа А. Столярова «Милость Господня». Философская глубина произведения, затрагивающего социокультурные проблемы современности, достигается как за счёт прямого и косвенного обращения к произведениям русской литературы XIX века, так и за счёт прямых и косвенных аллюзий на тексты Священного Писания. Авторские нарративные стратегии в организации сюжета и образности позволяют подвести читателя к пониманию природы человеческой души, её слабостей и возможностей, пути к духовному возрождению. Представлены лишь некоторые примеры реализации сложной и объёмной темы. Через осмысление апокалиптических ситуаций и характеристики персонажей постигается идейное содержание философско-религиозного произведения, в котором библейский текст выполняет различные функции – от организации сюжета до деконструкции религиозных догм. В работе использованы следующие методы исследования: структурно-семиотический, историко-культурологический, герменевтический.

Summary. The article examines the role of the biblical text, functioning as a system of allusions, quotations and symbols in the structure of A. Stolyarov's novel «The Mercy of the Lord». The philosophical depth of the work, which touches on the socio-cultural problems of modern times, is achieved both through direct and indirect references to the works of Russian literature of the 19th century, and through direct and indirect allusions to the texts of Holy Scripture. The author's narrative strategies in organizing the plot and imagery allow the reader to understand the nature of the human soul, its weaknesses and capabilities, and the path to spiritual rebirth. Here are just some examples of the implementation of a complex and voluminous topic. Through the comprehension of apocalyptic situations and characterization of characters, the ideological content of a philosophical and religious work is revealed, in which the biblical text performs various functions: from the organization of the plot to the deconstruction of religious dogmas. The following research methods are used in the work: structural-semiotic, historical-cultural, hermeneutic.

Ключевые слова: библейские аллюзии, апокалиптика, религиозно-философский роман, архетипы, экзистенциальный выбор.

Key words: biblical allusions, apocalypticism, religious and philosophical novel, archetypes, existential choice.

Роман современного российского писателя А. М. Столярова «Милость Господня» (2024) представляет собой сложное художественное полотно, синтезирующее элементы христианской традиции, апокалиптической прозы и социальной сатиры. Центральным структурным и смысловым стержнем произведения выступает библейский текст, функционирующий как система аллюзий, цитат и символов. Эти элементы не только формируют сюжетную архитектуру, но и задают философскую глубину в рассмотрении вечных вопросов добра и зла, милосердия и искупления.

В романе автором используются прямые и косвенные аллюзии как на тексты Священного Писания, так и на предшествующие художественные тексты для углубления психологической и философской составляющей сюжета и проработки вечных тем добра и зла, милосердия и искупления. Аллюзия служит определённым «мостом», соединяющим предыдущее со следующим, и представляет собой способ обращения к прошлому, осмысления и категоризации знаний о мире.

В структуре романа «Милость Господня» встречаются такие разновидности аллюзий, как антропонимы, космонимы, мифологические, библейские, исторические, литературные и другие реалии, а также аллюзии в виде цитат, контаминаций, реминисценций. Обозначим основные структурно-тематические моменты, поддержанные библейским текстом и образностью.

Библейские аллюзии как нарративная основа

А. Столяров использует прямые и косвенные отсылки к Священному Писанию, создавая межтекстовый диалог. Например, сюжетная линия «исполнения желаний через молитву» отталкивается от евангельского «Просите, и дано будет вам» (Мф. 7:7) [1], но трансформируется в катастрофический парадокс. Глобальная «Смута» с её эпидемиями, засухами и нашествием саранчи (отсылка к казням египетским – Исх. 10:12-15, Откр. 6:8 [1]) становится метафорой божественного суда над погрязшим в грехах человечеством.

Через прямые цитаты из книг Священного Писания, библейские образы и ситуации автор реконструирует традиционные ценности и ставит под сомнение ценности современности с её общей тенденцией к овеществлению и материализации, побуждая читателей задуматься о человеческом бытии, месте и статусе всего существующего в мире.

Согласно библейской мифологии, Божья карающая мера («...И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы. И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих. И дано ей не убивать их, а только мучить пять месяцев...» (Откр. 9) [1]) в столяровском романе представлена в виде мутационного создания, поглощающего всё на своём пути, символизирующего не только кару, но и экологическую катастрофу, спровоцированную самим человеком: «В беспамятстве бежало от них всё живое: если такая туча опускалась на землю, то не оставалось после неё ничего – ни листика, ни былинки, ни корней в дёрне, лишь мёртвая крошащаяся почва, бледные скелеты деревьев, лишённых даже коры, кости зверей, птиц, а то и людей, не успевших уйти» [2, 6].

Апокалиптические образы («пыльные бури», «голод», «Великая Смута» [2, 22-25]) войны, эпидемиями и социальным коллапсом перекликаются с Откровением Иоанна Богослова: «И вышел дым из кладезя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя» (Откр. 9:2) [1]. Однако у А. Столярова апокалипсис лишён эсхатологической надежды, становясь метафорой антропологического кризиса.

А через историю нахождения младенца, отсылающую читателя к библейскому повествованию о Моисее, скрытом в тростниках, и рождении Христа, реализуется в романе библейская идея спасения человеческого рода, отпавшего от Бога. Младенец символизирует надежду на возрождение: человечество будет спасено, ибо на смену тёмным, разрушительным обстоятельствам приходит свет: «Гнев за мгновение, благодать на всю жизнь; вечером пребывает плач, а утром веселится» (Псалом 30:6) [1].

А. Столяров интегрирует прямые цитаты из Писания в диалоги и внутренние монологи персонажей. Например, молитва о дожде [2, 39-40] включает фрагмент из молитвы Филофея Кон-

стантинопольского. В то же время автор иронизирует по поводу формального следования религиозным обрядам, изображая механическое повторение молитв персонажами, не вникающими в их смысл («слова... бесплотными пузырьками всплывают к небу» [2, 14]). Умело обращается писатель к различным религиозным текстам и образам. Например, упоминание о «первом Вселенском соборе» и обсуждение арианства говорит о тяжёлых исторических конфликтах в христианстве, которые также отражают внутренние противоречия персонажей и их борьбу с собственными грехами и сомнениями [2, 29].

Образ отца Доминика, объясняющего смысл существующих ересей, ассоциируется в читательском сознании с образом ветхозаветного учителя, призывающего к мудрости и осознанию собственной веры. Его дискуссии о Боге и понимании искупления на фоне современного хаоса создают напряжённость и иллюстрируют внутренний конфликт между Священным Писанием и современными реалиями [2, 29]. Размышления о Боге и обращения к нему от имени разных персонажей носят смысло- и структурообразующее значение [2, 220, 256, 272-273, 280].

Персонажи как библейские архетипы

Герои романа представляют собой архетипические модели, переосмысленные сквозь призму современности.

Иван – центральный герой – воплощает архетип «избранника», чья судьба связана с сакральной миссией. Его имя отсылает к Иоанну Крестителю, предтече, чьё рождение также сопровождалось чудесами (Лк. 1:57-66) [1]. Подобно библейскому пророку, Иван становится свидетелем трансцендентного: он видит «озёрную деву», противостоит нечисти и в финале обретает дар исцеления. Однако его путь лишён однозначности: он балансирует между святостью и грехом, что подчёркивает человеческую природу героя. Духовные искания Ивана (аскеза, поиск божественного откровения) отсылают к сорокадневному посту Христа (Мф. 4:1-11) [1].

Марика, обладающая магическими способностями, сочетает в себе черты Марии Магдалины и ведьмы из Аэндора (Цар. 28:7-25) [1]. Её способность «воскрешать» природу («смятые былинки медленно выпрямляются» [2, 11]) символизирует надежду на возрождение, но двойственность её образа подчёркивает размытость границ между добром и злом.

Иван и Марика проходят путь от сомнения к откровению, что перекликается с историями Иова или апостола Петра. Духовные искания Ивана, его попытки «ощутить Бога» через аскезу (в главе 3) напоминают сорокадневный пост Христа в пустыне (Мф. 4:1-11) [1]. При этом автор избегает прямолинейной дидактики, подчёркивая амбивалентность божественного вмешательства: «Когда боги хотят погубить человека, они исполняют его желания» [2, 3].

В первой главе, когда главные герои Иван и Марика пробираются по тёмной лестнице, угадываются библейская символика конца света, когда в мире царят беспорядок и хаос, и аллюзия на блуждание евреев по пустыне в поисках земли обетованной (Исх. 19:11) [1]. Темнота лестницы и страх перед «пауками» символизируют не только физический, но и духовный страх, сопряжённый с мотивами греха и искушения. В боязни Марикой пауков воплощён страх человечества перед злом, которое, согласно Библии, обитает в мире.

Аллюзия на библейских демонов и духовные испытания, через которые проходят главные герои, подобно тому как Иисус искушается дьяволом в пустыне (Мф. 4:1-11; Мк. 1:12-13) [1], заключена в образе устрашающего существа Йернода [2, 11], которому противостоит Марика, воплощая традиционную для Библии борьбу добра со злом.

К библейским мотивам искушения и стремления к свободе ассоциативно отсылает читателя эпизод неудавшегося побега Марики и Ивана из приюта. Подобно библейским героям-праведникам, Иван и Марика сталкиваются с представителями «тьмы» – Цугундером и Хорем. Хорь и другие антагонисты главных героев воплощают дьявольские искушения. В ритуале крещения жабы [2, 9], на наш взгляд, спародированы христианские обряды, а болезнь и исцеление Хоря [2, 20] отсылают к истории Иова, чьи страдания стали испытанием веры. Крест, упомянутый в разговоре с Хорем и Кусакой, служит символом христианской идентичности, искупления и духовной борьбы.

Мотив искупления в сюжетной линии Ивана, взявшего на себя ответственность за проклятие и изменившего свою судьбу, содержательно и функционально близок христианскому понятию искупления через страдания и покаяние: «Благословляющий тебя благословен, и проклинаящий тебя проклят!» (Числа 24:9) [1].

Борьба света и тьмы внутри и вовне выступает ключевой характеристикой динамики отношений Марики и Ивана, что согласуется с библейской концепцией веры и безверия, и охватывает широкий круг персонажей романа: наместник Хорь, обманщик и манипулятор, ассоциативно напоминает библейского Иуду; Иван в вопросах веры и религиозной идентичности проживает сложную внутреннюю жизнь, полную сомнений, противоречий и метаний, что позволяет провести параллель между искушениями Ивана и искушениями Христа. Сожжение и самосожжение на костре в финале произведения напоминают библейские суды и распятие Иисуса Христа. Страдания Ивана и обращение «Господи, если Ты есть...» так, как обращался Иисус к Богу в Гефсиманском саду, вызывают в читателе сопереживание и ассоциативные аналогии со страданиями Христа. Имеются в виду страдания, когда Иван поднимается на костёр и просит о спасении Марики. Этот эпизод отсылает к традиции жертвоприношения из библейской истории, где человек волен выбирать между грехом и искуплением. «Господи, если Ты есть, если Ты действительно существуешь, если Ты слышишь нас, если наблюдаешь за нами, если Ты, как мы верим, всемилостив и всеблаг, если Имя Твоё в самом деле начертано внутри наших сердец, то я прошу Тебя, Господи: прими её душу к себе, освободи её, омой слезами прощения...» [2, 270]. Мотив жертвоприношения – один из сюжетообразующих в тексте – сопряжён с размышлениями о жизни и смерти.

Пространство и символы: библейская топография

Пространственная организация романа строится по принципу библейской топографии и с использованием библейских антитез. Так, приют, где растёт Иван, символизирует «Вавилон» – место духовной слепоты и разложения. А его гибель от наступления болота и чертополоха [2, 10] отсылает к падению Содомы (Быт. 19:24-25) [1], места духовного разложения. В противовес этому «Белое Царство» Марики [2, 10] есть не что иное, как утопический образ Рая (Эдема), где «лев и ягнёнок мирно живут друг с другом» (Ис. 11:6) [1].

А в Ведьмином лесу (кульминационная сцена главы 2) – месте жертвоприношения – переплетаются мотивы Эдема и Гефсиманского сада. Ритуал жертвоприношения Марики [2, 39] отсылает к истории Авраама и Исаака (Быт. 22:1-19) [1], но отсутствие божественного вмешательства подчёркивает жестокость мира.

Диалог с религиозной традицией: деконструкция и переосмысление

В романе затрагивается тема кризиса религиозных институтов. Коррумпированные монастыри и лицемерные духовники (например, архимандрит Авенир) воплощают фарисейство, осуждённое Христом: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры!» (Мф. 23:27) [1]. Однако автор не отрицает веру как таковую, противопоставляя формализму личный мистический опыт. Сцена дождя [2, 41], где благодать достигается через единение Ивана и Марики, параллельна нисхождению Святого Духа на апостолов в Пятидесятницу (Деян. 2:1-4) [1].

Язык и стиль произведения

Особую роль играет язык произведения. Архаизированная лексика («серафимиты», «исихия») контрастирует с просторечием («на хрен», «чёрт»), отражая конфликт сакрального и профанного. Парадоксальные метафоры («Бог есть Великое Ничто» [2, 30]) отсылают к апофатическому богословию, подчёркивая непостижимость божественного. Апофатическое богословие – часть богословия как учения о «Бог в Самом Себе», утверждающего несоизмеримое превосходство нетварного Божества над созданным Им миром.

В связи с этим отметим, что в третьей главе романа содержится эпизод, требующий, на наш взгляд, отдельного комментария, ибо он также несёт важную смысловую нагрузку и тоже отсылает к «чужому» – библейскому – тексту. Внимательно слушая выступление Патриарха о причине гибели мира: человеческих грехах, дьявольском порождении эпохи – интернете, о православии, способном спасти мир, о россиянах – соли земли [2, 47] – Малька чётко идентифицирует конкрет-

ный библейский текст, на который опирается в своём выступлении Патриарх («Матфей пять тринадцатый»), согласно которому «соль земли» – это верующие.

Россия, граничащая с Богом, и Россия, заполонённая разной нечистью, вертикаль современного мира, контрастный образный строй которого потенциально содержит мысль о непостижимости божественного, вечной устремлённости к нему, спасении душ, вновь перекликающуюся с библейским нарративом о рождении Христа.

Итак, роман Андрея Столярова «Милость Господня» – произведение, в котором проведены глубокие параллели между библейскими мотивами и актуальными социокультурными проблемами современности. Используя многочисленные аллюзии на библейские тексты и создавая межтекстовые переключки, автор в своём религиозно-философском романе погружает читателя в размышления о самых важных вопросах бытия: о добре и зле, искуплении и спасении, свободе выбора и духовной ответственности. Библейские образы и мотивы, представленные в виде аллюзий и прямого «чужого текста», позволяют лучше понять внутренние противоречия персонажей, их стремление к искуплению и поиску смысла в мире, полном страданий и кризисов. Читатель оказывается вовлечённым в глубокую дискуссию о природе человеческой души, о её слабостях и возможностях, о том, как искусство может освещать пути к духовному возрождению.

Библейский текст в романе «Милость Господня» выполняет различные функции – от организации сюжета до деконструкции религиозных догм. А. Столяров не просто цитирует Писание, но вступает с ним в диалог, ставя вопросы о природе веры, свободе выбора, ответственности человека и границах божественного вмешательства. Через апокалиптические образы и архетипических персонажей автор рисует мир на грани духовной катастрофы, где единственным спасением остаётся милость – не как догма, а как экзистенциальный акт человеческой воли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Синодальный перевод // Библия онлайн. – URL: <https://bible.by/syn/> (дата обращения: 14.03.2025). – Текст: электронный.
2. Столяров, А. М. Милость Господня: роман / А. М. Столяров. – М.: Время, 2024. – 288 с.